

Теория. Методология

© 2001 г.

А.И. ЧЕРНЫХ

ИСТОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ - ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*ЧЕРНЫХ Алла Ивановна - доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Института социологии РАН.*

Развитие социологической теории обусловило значительный интерес к истории. Обращение к ней, по мнению крупных западных социологов, раздвигает горизонты и предметные рамки социологии, углубляет понимание социальных процессов. Возрастающее влияние на социологию оказывает сравнительно новая отрасль ее - историческая социология. Отказ от взгляда, по которому история изучает отдельные факты, а социология формулирует общезначимые гипотезы, сформулировал американский социолог Ф. Абраме: "социологическое объяснение неизбежно является историческим" [1, р. 2]. В российской социологии ситуация усугублена господством марксистского подхода, который в советском варианте выступал средством не столько анализа и рефлексии, сколько оправдания и легитимации действий партийного руководства. Историческая социология как исследовательский подход рассматривает общественные процессы в сравнении, выступая ядром теории социальных изменений. С другой стороны, рассматривая социальную реальность как исторически ставшее, как продукт становления, она анализирует возможности отвергнутые, не реализовавшиеся в ходе развития. Исследуются такие понятия, как приемлемость и социальная переносимость инноваций, позволяющие прогнозировать результаты реформ и пути их реализации. Важность этих идей для российского общества очевидна. Методологически я отталкиваюсь от положения М. Вебера о том, что в основе деления наук лежат не "фактические" связи "вещей", но "мысленные" связи проблем: «...Там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая "наука"» [2, с. 364].

Социологическое мышление переплетено с историческим анализом, схемами понимания, объяснения и интерпретации исторических событий, хотя отношения социологии с историей с самого начала были сложными. Единым было убеждение, что социология занимается общим, изучая современность, а история изучает особенное, "дела давно (или недавно) минувших дней". Разграничение между ними доходило до противопоставления, как, например, в период "ортодоксального консенсуса" — так назвал Энтони Гидденс симбиоз натурализма и функционализма, господствовавший до середины 1960-х гг. (правда, в основном в США; во Франции контакты обеих дисциплин сохранялись). Обращение социологов к прошлому нередко вело к эволюционизму, не предполагавшему детального исторического анализа или признания исторической случайности; отказ от эволюционизма означал и отказ от изучения исторических реалий

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 01-03-00345а).

под предлогом развития социологии как обобщающей дисциплины. Ни та, ни другая позиция не будили реального интереса к работе историков со стороны социологов и vice versa.

Возникает вопрос: относится ли вообще к сфере социологического знания проблема прошлого? Ответ напрашивается сам собой: поскольку прошлое постоянно переходит в настоящее, а настоящее постоянно становится прошлым, жесткое разведение этих дисциплин непродуктивно. Правда, искусство "воссоздания прошлого" как основополагающая составляющая "ремесла историка" (М. Блок) не является насущным для социолога, интересующегося "задержавшимся" в настоящем прошлым, ставшим его фундаментом. Правильнее говорить о разделении труда между историками и социологами, которое захватывает области как истории по мере ослабления позиций "повествовательного метода" ("нарративной" истории), так и социологии, ориентирующейся на проблемы современности, а потому озабоченной поисками ответа на вопрос, где ее истоки, в чем основные тенденции развития мировой истории?

Интересы социологии первоначально не ограничивались современностью, включая исследования истории и развития общества и претендуя, в отличие от исторической науки того времени, на разработку теорий общественного развития. Развиваясь в полемике с историографией того времени, позитивизм подчеркивал единство научного знания и необходимость превращения истории в столь же строгую науку, как естествознание. О. Конт, Г. Спенсер, Л.Г. Морган разработали социальные теории стадий - "дикости", "варварства", "цивилизации". Это оказало влияние и на социально-научно ориентированных историков (например, Карл Лампрехт). Но в то время притязания социологии на разработку обобщающей теории развития общества и государства как "абстрактной истории", "истории без человеческих имен и даже без имен народов" [3, р. 8], вызвали критику историков, отстаивавших "неповторимость" исторических явлений, "событий и фактов".

Для французских просветителей история была самой важной наукой. Кондорсе видел в ней "высшую математику общества" и "физиологию правительства". Минье считал философскую историю продолжением естественных наук и ключом к наукам о человеке. В начале XIX в. подобные притязания историков воспринимались всерьез. Национальные движения в Европе использовали исторические мифы как орудие. Историки занимали ведущие посты в правительствах. Во Франции середины XIX в. два популярных историка Тьер и Гизо возглавляли соперничающие политические партии, пока их не сменили другие авторы исторических трудов — Ламартин, Луи Блан, А. де Токвиль и Наполеон III.

Процесс взаиморазвития истории и социологии в течение XIX и первой четверти XX в. я рассмотрю на примерах Германии и Франции. Это не будет традиционным историческим повествованием в виде "нарративной" истории социологии, а показом "тренда" науки, складывающегося из совокупности национальных дисциплин. Поскольку история социологии представлена в отечественной литературе, внимание обращено на историческое знание, тяготеющее к социальной проблематике. Я выбрала характерные примеры, что не могло не привести к некоторым мозаичности и "региональным" предпочтениям.

До конца XVIII в. в западноевропейской истории господствовала аристотелевская традиция рассмотрения "государства", "хозяйства" и "общества" как единого целого. Происходившее в тот период в политическом процессе и в политическом мышлении их разделение нашло отражение в работе немецкоязычных историков, прежде всего Геттингенской школы - Готтфрид Ахенвалл, Иоганн Христоф Гаттерер и Август Людвиг Шлойер [См.: 4]. Они предприняли попытку создать "универсальную историю", опираясь на данные о росте населения, о положении торговли и ремесла, истории правового устройства и политической системы, связав описание "социальных условий" с рассказом о "событиях".

На протяжении XIX в. кругозор историков сужался, их внимание концентрировалось на "событиях". В качестве источников использовались документы государственного и

коммунального управления, воспоминания государственных лиц. Проблема разграничения государства и общества выпадала из поля зрения большинства немецких историков. Господствовавшая точка зрения на положительную роль государства и власти нашла завершение в немецкой исторической школе. Подобное отношение историков к государству способствовало возрождению политических взглядов на историю, и в последней трети XIX в. последователи Леопольда фон Ранке, прежде всего Макс Ленц и Эрих Маркс, свели историографию к апологетике национального, прусского государства, объявив это государство доминирующей исторической силой. Завоевывает права гражданства экономическая проблематика в работах по истории наций, которые никогда не были столь агрессивны, как в то время.

Большинство историков, являясь сторонниками филологического метода, ограничивались публикацией архивных источников. Под влиянием социологии, исходившего от нее обоснования идеи непрерывности истории и возникавших дерзких сравнений происходило усиление эмпирической составляющей исторических исследований - "критики источников", сводившейся, по преимуществу, к обработке последних в духе позитивизма. Наиболее интенсивно работа над сборниками документов в Западной Европе шла между 1880 и 1910 гг. К 1890-м гг. относятся первые книги по экономической истории. В конце XIX в. впервые публикуются истории цен в виде сборников почти не обработанных данных, анализ которых вел к возникновению специальных исследований (работы Роджерса в Англии, Вибе в Германии, д'Авенеля, Золла и Ж.Ж. Кламажерана во Франции). Ныне эти работы воспринимаются как архаика. Но в них отражены преобразования в Западной Европе при переходе от второго к третьему этапу современного индустриального развития. Решающим фактором его стала революционизирующая роль железных дорог, усилившееся соперничество европейских наций, а также социально-психологическая и интеллектуальная роль великой депрессии 1873/74 - 1900/05 гг., обусловившей признание либеральной политической экономии и ее марксистскими критиками экономического и социального значения кризисов. Замечу: воздействие кризисных состояний общества на развитие науки, прежде всего социальной, исследовано недостаточно.

Однако предметное расширение сферы истории при одновременном сужении ее до источников, а также ее политический редукционизм, не способствовали диалогу с ориентированными на теоретические обобщения социологами. За исключением выдающихся основателей собственных направлений - социолог Макс Вебер и историк Отто Хинтце - историки и социологи не стремились к сотрудничеству, демонстрируя неприязнь и враждебность.

Такое положение с вариациями сохранялось до начала 30-х гг. XX в., когда обозначился "кризис историзма" [5]. Его истоком было осознание частью историков того факта, что их наука не в состоянии адекватно отразить и оценить происшедшие с середины XIX в. процессы индустриализации и урбанизации, их роль в жизни европейских стран. Представители исторической школы национальной экономики, возникшей в 60-х гг. XIX в. при государствоведческих факультетах университетов, стремились выделить типичные для эпохи капитализма стадии развития производства, распределения и потребления. Густав Шмоллер, опираясь на идеи О. Конта, Д.С. Милля и Г.Т. Бокля, предложил стадии домашнего, городского, территориального и народного хозяйства в качестве "форм хозяйственного устройства" [6]. Так называемая "хозяйственная история" сосредоточилась на исследовании средневековья - города, ремесел и торговли. Ее представители видели задачу в том, чтобы опровергнуть теории стадийности развития и положение о закономерности исторического процесса и подтвердить (еще раз!) уникальность исторических явлений. Характерна позиция одного из "историков хозяйства" Георга фон Белова, который отвергал предпринятые Шмоллером "современные попытки отгадать загадку исторического мира путем использования естественно-научных принципов и методов" [7. S. 121] отталкиваясь от дильтеевских установок. Фон Белов был врагом социологии, видя в ней институт, в котором, как он писал, "сдаются напрокат маски слов".

Индустриальный переворот подтолкнул историков к возрождению забытых к тому времени идей "Геттингенской школы" об "универсальной истории". Яков Буркхардт, Эберхард Готхайн, Курт Брайзиг, Карл Лампрехт и др. попытались воссоздать комплексный ландшафт развития "культур", "духа" и "менталитета", "религии" и "искусства" путем "аналитического" описания "общественной жизни" и "развития социальных сил" в культурной жизни в целом": религия, литература, искусство, хозяйство, право и государство. Выработанное ими понятие "истории культуры" близко возникшему в тот же период в Англии понятию "история цивилизаций", предложенному Генри Т. Боклем. Новая "история культуры", — писал Э. Готхайн, — имеет дело большей частью с массовыми явлениями. Эта однородность ведет к тому, что, если исследован один тип, результат относится ко всем подобным случаям" [8. S. 5]. Очень скоро "история культуры" столкнулась с проблемами типобразования, вступив в конфликт с догмой историзма о неповторимости исторических явлений.

Вопрос, являются ли выводы исторической науки "идиографически-герменевтическими" или "номотетически-социально-научными", и должна ли в зависимости от этого историческая наука применять сингулярно-описательные или обобщающе-объясняющие методы, стал центральным в "споре о методах" между Карлом Лампрехтом и Георгом фон Беловым [См.: 9]. Речь шла о том, удастся ли немецкой исторической школе сохранить традиционный идиографический подход в противостоянии с историками культуры и исторической школой национальной экономики, претендовавших на создание "точной", "номотетической" исторической науки, способной формулировать "законы". Результатом спора стал сохранившийся донныне отказ от притязаний на номотетическую историческую науку. "Заблуждением" была объявлена научно-историческая парадигма социального и культурного измерения общества. Поэтому немецкая социальная история, сумевшая в 1880-1890 гг. сформулировать многие существенные проблемы, была затем вытеснена на периферию, откуда она выбралась в 60-е гг. XX в.

В предисловии к "Журналу социальной и хозяйственной истории", начавшему выходить в Вене в 1893 г., его молодые издатели Лудо Мориц Хартман, Эмиль Шанто, Штефан Бауэр и Карл Грюнберг поставили целью "удовлетворение общей потребности представителей истории и социальной науки... в выяснении экономических причин тех изменений, которые происходят в истории". "Социальное" воспринималось ими как следствие "экономических факторов", что объясняется влиянием марксизма. Сторонниками австро-марксистского варианта были двое его издателей - Грюбнер (с 1924 г. руководитель франкфуртского Института социальных исследований) и Хартман. Ни в одном из номеров не был разъяснен термин "социальная история", значившийся в названии журнала. Когда через десять лет он сменил название на "Ежеквартальник...", в предисловии социальное понималось как функция хозяйства ("экономическое положение") и политического строя общества.

Противостояние социологии и исторической науки продолжалось. Плод их совместных усилий - социальная история развивалась в стесненных условиях. В 20-30-е гг. она утвердилась в большинстве немецкоязычных (Германия, Австрия) университетов как университетская дисциплина - статусный придаток истории хозяйства. Последняя до 1960-х гг. оставалась "хозяйственной историей права", исследуя правовые условия производства, торговли и роль государства в хозяйстве, но не саму хозяйственную жизнь. Преобладала вплоть до 50-60-х гг. политико-дипломатическая история, - реакция на время фашизма, когда спросом пользовались "история героев, государства и войн" и работы венских историков хозяйства и культуры, в частности Альфонса Допша и Отто Брикннера, написанные с точки зрения "политической народной истории" и оправдывавшие притязания немцев на господство.

Социальная история, не связанная с историей культуры, и в 50-х гг. осталась историей государственного строя. Ее внимание привлекали внешние и внутренние структуры таких социо-политических и хозяйственных явлений, как сеньория, средневековый город, цеховое ремесло. Обращение историков хозяйства и общества первой половины

XX в. к средним векам и раннему Новому времени, исследования известных правовых источников (указы, регламенты и т.п.) и выявление новых массовых источников (описи феодальных земельных владений, хозяйственные счета и т.п.) содействовали перенесению понятия "структура" в сферу социального, изучаемого историками. Однако, несмотря на употребление понятий "социальная структура", "внутренняя структура" и т.н., основное внимание уделялось правовым и хозяйственным условиям деятельности. Социальные явления в узком смысле слова, - "акторы" и их взаимоотношения, остались в тени.

В 1950-е годы немецкие историки сделали новый шаг к социальному вследствие его "политизации". Анализ первой мировой войны, хозяйственных и социальных проблем межвоенного периода, кризиса начала 1930-х гг., нацизма требовали включения социального в объяснение политических событий (и наоборот) на фоне явной непригодности понятий и методов историзма для изучения меняющихся социальных объектов. С начала 50-х гг. возникло убеждение, что понятие "структура" позволит определить социальное содержание истории. Видный историк Вернер Конце предложил заменить термин "социальная история" "историей структур" [10]. Термины "структура" и "история структур" были заимствованы у Фернана Броделя, сформулировавшего в 1949 г. понятие "histoire des structures".

По существу, понятие "структура" заменило прежние термины "состояние", "социальное устройство", "внутренний порядок". Социальная история стала пониматься как "изображение внутренней структуры исторической картины" [11. S. 655]. Конце призвал отказаться от традиционной системы периодизации, основанной на событиях. Он ссылаясь на Ф. Броделя, полагавшего, что "histoire des evenements" (история событий) не ведет исследователя к удовлетворительным результатам без изучения "geohistoire" (геоистории) и "histoire des structures" (истории структур). По мысли Конце, "опорную структурно-историческую" основу событий образуют хозяйственные, социальные и культурные факторы. Ни он, ни Бродель не разъясняли, как соотносятся эти факторы и каково их отношение к событиям. Неопределенное понимание "структуры" как "опорной основы" событий, происходящих в результате действий людей, отождествляет "структуры" с "объективными обстоятельствами". Это, в свою очередь, есть признание зависимости субъектов от "структур" и противопоставление "субъективности" "объективным" структурам.

Конце настаивал, чтобы историография охватывала все "в целом", не деля исторический мир на секторы, изучаемые отдельными науками. Социальная история, по его убеждению, является "историей общества, точнее, социальных структур, процессов и движений", она "связана и с исторической наукой, и с социологией" [12. S. 19-26]. Время одинокого историка прошло, настало время групповых действий представителей различных дисциплин, границы между которыми непостоянны. Компоненты "структурного": хозяйство, политика, культура, социальное и т.д., - можно изучать только при разделении труда историками и социологами. Так, в начале 1960-х гг. формулируются взгляды, которые в 60-70-е гг. разделяли многие немецкие и австрийские социальные историки: деление исторического поля на структуры, определяющие общие тенденции действий, с одной стороны, и политическую, культурную и социальную деятельность субъектов — с другой; амбивалентное отношение социальной истории к систематизирующим социальным наукам и признание необходимости осмысления итогов региональных и проблемно-специфических исследований на уровне социально-исторического синтеза.

Большинство социальных историков отвергло мысль Конце назвать их науку "историей структур" — из-за распространенности структур и неопределенности этого понятия. Та же участь постигла его требование целостности исторической науки: развитие дисциплины шло по другому пути. В западном мире шло жесткое разграничение хозяйственной, социальной и политической истории, вызванное специализацией проблематики и методов и ориентированное на специальные исследования регионов и общественного развития.

В результате в 60-70-е годы в немецкоязычных странах социальная история получила двойное толкование: под ней понимали (и понимают до сих пор) "одну из дисциплин исторической науки", а также "историю общества или всеобщую историю под социально-историческим углом зрения" [13, S. 19]. Удачно определил социальную историю Ю. Кокка: "в узком смысле" она занимается "историей социальных общностей (сословий, классов, групп и т.д.); их положением и составом, опытом, позициями, поведением; такими институтами, как семья, производство, партии, союзы; социальными отношениями - родством, условиями труда, коммуникативными отношениями, социальными альянсами и конфликтами; процессами урбанизации, индустриализации и рационализации, социальными движениями, аспектами социального неравенства и мобильности, социальными предпосылками и последствиями политических, культурных и экономических явлений и их многообразными связями с хозяйственной, политической и культурной историей" [14].

Недостаток таких дефиниций в том, что их авторы, отталкиваясь от многообразия проблем, исследуемых "социальной историей", пытаются ответить на вопрос, чем является данная дисциплина в научно-теоретическом плане и как ее можно отделить от других дисциплин. Но не связи "*вещей*", а "*мысленные*" связи проблем составляют, по Веберу, основу деления наук. Науку конституируют специфический взгляд на предмет, формулировка проблемы, методы исследования и результаты. Перечисление направлений исследования социальной истории показывает, что она занимается многими и разными сферами и аспектами социального, порождая потребность в дифференциации теорий и методов исследования, которые выбираются в каждом случае с учетом пригодности для разработки данной проблемы.

Группа историков, объединившихся вокруг основанного в 1975 г. журнала "Geschichte und Gesellschaft" ("История и общество"), развивает понятие "исторической социальной науки", стремясь преобразовать историю на основе социологических, политологических и экономических теорий. Ориентируясь на М. Вебера, эта наука должна реконструировать структуры хозяйства, общества, политики, положение групп, слоев и классов и происходящие в них процессы, изменения и теоретически обосновать результаты этой работы (вместо простого рассказа) [15]. Сторонники этого направления отвергают постулат "близости к источнику" и отстаивают приверженность формированию социально-научных понятий. Они допускают, что действия людей определяются "надындивидуальными" структурами, коллективным положением групп, слоев и классов, чем объясняется приоритет структур в социально-научном анализе над единичными явлениями. Значение такой исторической науки - в ее вкладе в "самопросвещение современного общества" (М. Вебер) и в создании нового политико-морального самопонимания немцев после краха фашизма. Иными словами, такая историческая наука играет роль "политической педагогики".

В центре немецкоязычной социальной истории стоит индустриализация как хозяйственный и социальный "процесс структурных изменений". Это отличает ее от прежней истории культуры и истории хозяйства, от французской социальной истории, от школы "Анналов". Тематически их центр - доиндустриальное общество, что связано со статичным понятием структур, принятым в "Анналах". Оно пригодно для доиндустриальных обществ, но мало применимо к индустриализации. Специфика применения в "Анналах" понятий "структура", "конъюнктура", "количественная история" и т.п. обусловила развитие метафизики истории или "нового объективизма" [16, S. 289-322]. Историю XIX и XX вв. немецкие авторы рассматривают как "предысторию современности". Свое предназначение они видят в объяснении настоящего как продолжения прошлого.

В 1970-80-е гг. обогатился спектр тем, выросло число профессоров социальной истории, укрупнились соответствующие кафедры университетов. Исследования в рамках данной дисциплины охватывали историческую демографию, историю семьи, женщину и пол, город и урбанизацию, социальную мобильность, историю рабочих, бюргерства. По мере проникновения социально-исторической проблематики в политическую

историю обострялась "потребность в теории". Для последователей М. Вебера проблемы индустриализации были предпосылкой применения теории конъюнктурных циклов, "модернизации" и "рационализации", возрождения традиционного почтения к теории, заложеного экономико-исторической школой. Изучение "условий жизни" и "условий труда" предполагало обращение к теории производства и воспроизводства по К. Марксу. Потребовались новые методы социально-исторических исследований, в частности просопографической техники (анализ признаков лиц, групп на основе таких источников как автобиографии, письма, протоколы допросов и т.п.), интервью-воспоминаний. Замечу, что интервью-воспоминания, ошибочно применяя к ним понятие "oral history", считают новой субдисциплиной. На деле они - одна из техник исследования, статистическо-корреляционного анализа.

На первый план вновь вышла проблема социальной истории - деление социального "пополам": на "социальные структуры" и историко-политические сюжеты (деятельность людей) и их взаимовлияния. Отношение структур к единичным явлениям и действиям еще мыслилось в виде противопоставления объективного и субъективного. Представители исторической социальной науки рассчитывали преодолеть это противоречие, сочетая аналитические и систематизирующие методы анализа объективных условий и обстоятельств с герменевтическими методами при изучении деятельности и опыта субъектов. Однако критики обоснованно указывают на недостатки такого способа преодоления противопоставления структур и действий как чисто методического.

Инновационные сдвиги, связанные с критикой методов, демонстрируют феминистская и культур-антропологическая критики. Стремясь к созданию истории, "где женщины и мужчины занимают равное место" [17, S. 367], представители феминистской критики особо подчеркивают макроструктурный характер системного анализа в исторической социальной науке. В результате конфликты внутри социальных классов - а именно они проявляются в отношениях между женщинами и мужчинами, — остаются незамеченными в тени "больших структур" и "больших перемен" (индустриализация, урбанизация и т.п.).

Новое поколение социальных историков и культур-антропологов видит задачу в изучении двойной конституции исторических процессов путем перехода "от одновременно существующих и возникающих предпосылок комплексных взаимоотношений между несущими конструкциями структур и практикой субъектов к условиям жизни, производства и власти и завершается анализом опыта и образа действий людей" [18, S. 298]. Разработав эти вопросы, считает геттингенский историк Ганс Медик, можно писать историю общества как социальную историю, показывая и расширяющая динамику исторической практики не в урезанной форме истории общества, сведенной к сложению статистических показателей, факторов, элементов исторического процесса [16, S. 318].

Приняв такой взгляд, соглашаешься с неизбежностью смены тематики и методов исследования. С точки зрения тематики речь идет о включении в исторический сценарий "повседневной деятельности" — сумма процессов во всех сферах жизнедеятельности общества, социальных слоев и групп: господства и подчинения, аккумуляции и сохранения материальных, социальных и иных благ, борьбы за влияние в идеологии, производства товаров, услуг и т.д. В результате анализа "повседневности" конституируется двойное видение действительности: с одной стороны, как детерминация жизнедеятельности мужчин и женщин условиями и обстоятельствами, которые они застают, с другой - как влияние исторической практики людей на структуры. Дискуссия культур-антропологов и сторонников герменевтики показала малую применимость, даже неприменимость последней в познании. Место метода "чувствующего понимания", пригодного в сфере, близкой исследователю культуры, занял метод реконструкции чужого и чуждого: методологическое недоверие к тому, что кажется "близким" и "знакомым".

Появление истории "женщин", "отношений полов" и "истории повседневности" дробило историческое целое, привнесло в исследования долю эмпиризма, позволив достичь

точности в фактах и комплексно объяснить изучаемое. Подобные исследования проводят "микроанализ" отдельных деревни [19], города, производства, жизни отдельных людей, на их примере показывая взаимосвязи условий общества и социальной практики субъекта [20, S. 21, 48-52]. Таковы особенности взаимодействия социологии и исторической науки в Германии.

Обратимся к Франции, к "первому историку постмодерна" [22, p. 85] - Фернану Броделю (Франция). Он понимал историю как открытую систему - результат воздействия пространства, климата, технологий на человека. Возглавив в 1956 г. "Анналы", Бродель провозгласил "новую концепцию социального", основанную на математическом моделировании и "социальной математике" [23, p. 653]. Расцвет школы "Анналов" - результат союза истории с общественными науками, позволивший обновить предмет, проблематику и процедуры исторического исследования. Вклад Броделя в социальную теорию связан с изучением того, что традиционно считалось системообразующим элементом истории в отличие от других общественных наук, - времени. Бродель, предложив концепцию "большой длительности" (*long duree; long span*), развил идею множественности социального времени, параллельно, но идущего с разной скоростью. В основе истории — географическое время, время природных процессов, - это и есть время большой длительности. В нем пребывают устойчивые, веками не меняющиеся географические, биологические, ментальные структуры, образующие "квазинеподвижную историю отношений человека и окружающей среды", выступающую в социальной истории как предел неподвижности, царство обычая. Время средней протяженности - это социальная и культурная история, социальные феномены, экономические отношения, общественные институты, ритмы экономической конъюнктуры, демографические и политические процессы, время империй и цивилизаций, социальных групп, классов. Этот временной уровень длится примерно 2-3 столетия, позволяя изучить определенный кластер явлений. Третий уровень — "события, политика и люди" (так обозначил Бродель темы 3 тома "Истории Средиземноморья") - быстрое время индивидов, фактов и событий, царство политики, "время по преимуществу хроникеров и журналистов" [24, p. 728].

Очевидно влияние на концепцию "большой временной длительности" учения марксизма об общественно-экономических формациях, для Броделя "самый мощный социальный анализ прошлого столетия". Маркс "первым строил истинные социальные модели на основании исторического времени большой протяженности. Эти модели застыли в упрощенной форме и были переделаны в законы... в предвзятые и автоматические объяснения, применимые ко всем местностям, ко всем обществам. А положить их снова в постоянно изменяющееся течение времени... [и они] будут все появляться вновь, хотя в более гибкой, более тонкой форме" [25, p. 48, 93]. Бродель сомневался в существовании капиталистического менталитета, считая его "выходом, который избрали Вернер Зомбарт и Макс Вебер из-за отчаянного желания избежать выводов Маркса" [25, p. 136].

Несогласие Броделя с социологией, как он представлял ее, в том, что социология уделяла много внимания индивидуальному времени, времени конъюнктуры, не рассматривая время большой длительности. В результате создается фиктивная картина развития человечества, не учитывающая важнейшие связи и опосредования, образующие единство общества. Бродель подчеркивал собственный ритм каждого уровня: "Наука, технология, политические институты, концептуальные изменения, цивилизации... все имеют их собственные ритмы жизни и роста, и новая история конъюнктур будет полной только тогда, когда удастся создать из них оркестр" [26, p. 30].

Однако "скоростей" времени "неизбежно оказывается больше, и каждый вид деятельности обнаруживает свой ритм перемен" [27, S. 243], считает Т. Зелдин. Время будет властвовать над историками, пока изменения остаются их главной темой. Но сегодня влияние идеи эволюции, заимствованной из биологии XIX в., ослабло. Изменчивость - одна из характеристик жизни, которую надо изучать наряду с остальными. Можно воскрешать прошлое, но можно показывать, что прошлое живо.

"Дух" Броделя, которому верны "Анналы", в стремлении, "насколько это возможно, на свой страх и риск следовать за всем самым новым, что только намечается" [28, р. 6] при расширении исходных принципов. На смену броделевскому проекту глобальной истории, охватывающей различные уровни социального целого, при преимущественном внимании к социально-экономическим процессам, пришли многообразие подходов и отказ от примата одного фактора в осмыслении явлений. Возврат к истории индивидов и событий означает проникновение современных принципов и методов анализа в область биографической, политической и событийной истории. На примере одной семьи, деревни историк исследует социальную систему. Исследуя происшествие, преступление, слух, анекдот, он стремится выявить социальную ткань и бытовавшие в обществе нормы и коллективные представления. Рассматривая исключительное и уникальное, он выявляет закономерности.

"Анналы" стремились преодолеть противопоставление структуралистского изучения объективных явлений и феноменологического анализа субъективного. Как пишет Р. Шартье, коллективные представления — подлинные "социальные институты" и матрицы, конструирующие социальный мир. Они диктуют поведение индивидов и групп.

В последнее десятилетие журнал поднимал массу новых тем и проблем. Это межэтнические отношения с упором на формирование этнических групп, а не на подход к ним как к изолированным друг от друга и стабильным образованиям, сложившимся "естественным путем" или унаследованным от прошлого в неизменном виде. Объект изучения — взаимоотношения этнических групп и установление границ между ними. Этническая принадлежность мыслится как "процесс взаимной идентификации, в результате которого идентичность группы возникает из контактов с другими группами" [29, р. 749]. Сохраняется приверженность междисциплинарным исследованиям. В круг тем авторов журнала входят кино и история, "устная история" (изучение социальных групп на основе информации, полученной с помощью современных технических средств), использующая историко-антропологический подход и исследующая коллективные представления на основе данных демографии, этнологии, социобиологии, математики, психологии и психоанализа.

На смену увлечению количественными методами пришло разочарование. По мере совершенствования техники исследований историко-математические экзерсисы подчас становятся самоцелью и не помогают в решении научных проблем, несмотря на обширные банки данных. Количественная история не принесла ожидавшегося обновления научных знаний. Это связывается с регистрацией повторяющихся явлений и пренебрежением всем индивидуальным, исключительным. Историко-клиометристы сами конструируют источники в соответствии с поставленными вопросами, искажая картину исторической реальности, не учитывая специфику социальных объектов, оперируя с ними как с объектами естественных наук. В то же время многие считают, что возможности количественной истории не исчерпаны. Ее значение для исторической науки в том, что конструируемый объект, модель, требуя формализации, обязывает историка точнее выражать лежащие в основе этой модели интерпретационные гипотезы. Как полагают М. Грибальди и А. Блум, чрезмерный схематизм и упрощенность количественных моделей социальной стратификации и мобильности связаны с несовершенством методик анализа и с тем, что в основе этих моделей лежат общие категории (общественные классы, профессиональные группы и т.п.), сложившиеся у исследователя и определяющие результаты его работы. Это означает разрыв между макроанализом социальных структур и микроанализом индивидуальных биографий. При специализации и дроблении исторических исследований, успешных на микроуровне, на первый план выдвинулась проблема синтеза результатов этих исследований в виде вопроса: как на основе работ индивидуального и локального уровней прийти к выводам общего характера? Предлагается ответ: "Историческое знание достигается не путем суммирования, а, если использовать метафору из области фотографии, путем наведения объектива и изменения фокусного расстояния" [30, р. 1321].

Появление новых объектов исследования на разных уровнях должно вызвать

изменение существующих и появление новых гипотез, образующих глобальную модель. Упрощению научных моделей историк должен предпочесть их усложнение, что больше соответствует сложности исторических процессов. Так, Ж. Нуарьель предлагает использовать теории субъективистской социологии, изучавшей механизм перехода от индивидуальных представлений к ментальным структурам общества и, наоборот, процесс интериоризации индивидом коллективных норм и ценностей.

Как видим, традиционное для Франции сотрудничество историков и социологов принесло результаты, демонстрируя на примере "Анналов" возможности взаимодействия на общем предметном поле. Таково отношение историков к социологии. В следующей статье будет рассмотрена проблема "социолог и история".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abrams Ph.* Historical Sociology. Shepton Mallet, England, 1982.
2. *Вебер М.* Объективность социально-научного и социально-политического познания // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990.
3. *Comte A.* Cours de philosophie positive. T. 5. Paris, 1908.
4. *Iggers G.* Deutsche Geschichtswissenschaft. Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart. 3. Aufl. München, 1976.
5. *Heussi K.* Die Krisis des Historismus. Tübingen, 1932.
6. *Schmoller G.* Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 2 Bde., 2. Aufl. Leipzig, 1923.
7. *Белуш Г. фон.* Die Deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen. Geschichte und Kulturgeschichte. Leipzig, 1916.
8. *Gothein E.* Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Leipzig, 1889.
9. *Schorn-Schutte L.* Karl Lamprecht, Kulturgeschichtsschreibung zwischen Wissenschaft und Politik. Göttingen, 1984.
10. *Conze W.* Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln, 1957.
11. *Conze W.* Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht // *Geschichte in Forschung und Unterricht*, Bd. 3. 1952.
12. *Conze W.* Sozialgeschichte / H.-U. Wehler (Hg.) *Moderne deutsche Sozialgeschichte.* Köln und Berlin, 1966.
13. *Ritter G.A.* Die neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik Deutschland // *Каска* (Hg.) *Sozialgeschichte im internationalen Überblick. F.ergebnisse und Tendenzen der Forschung.* Darmstadt, 1989.
14. *Kocka J.* Einleitung/ *J. Kocka* (Hg.) *Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung.* Darmstadt, 1989.
15. *Wehler H.-U.* Geschichte als histor. Sozialwissenschaft. Fr.-am-M., 1973.
16. *Groh D.* Strukturgeschichte als "totale" Geschichte // *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* Bd. 58. 1971.
17. *Bock G.* Geschichte, Frauengeschichte, Geschlechtergeschichte // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 14. 1988.
18. *Medick H.* "Missionäre im Ruderboot"? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // *Geschichte und Gesellschaft*, Bd. 10. 1984.
19. *Sabeau D.* Power in the Blood. Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1985.
20. *Ginzburg C.* Der Käse und die Würmer. Die Welt eines Mühlens um 1600. Fr.-am-M., 1979.
21. *Ginzburg C., Pond C.* Was ist Mikrogeschichte? // *Geschichtswerkstatt.* Göttingen. Bd. 6. 1985.
22. *Lechte J.* Fifty Key Contemporary Thinkers: From structuralism to postmodernity. L., NY., 1994.
23. *Braudel F.* Histoire et sciences sociales: La longue durée // *Annales: ESC.* № 4. 1958.
24. *Braudel F.* Afterthoughts on Material Civilisation and Capitalism. Baltimore. 1977.
25. *Braudel F.* A History of Civilisation. N.Y., 1994.
26. *Braudel F.* The Mediteranean and the Mediteranean World in the Age of Philip II. Glasgow. Vol. 1. 1973.
27. *Zeldin Th.* Social History and Total History // *Journal of Social History.* Winter, V. 10, № 2, 1976.
28. *Braudel Fernand* (1902-1985) // *Annales: ESC,* № 1. 1986.
29. *Valensi L.* Les sociétés plurielles. Presentation // *Annales.* № 4. 1986.
30. *Tentons l'expérience* // *Annales.* № 6. 1989.